

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я подскочила в постели в полной уверенности, что у меня по лбу только что пробежал таракан. Потом с отворачиванием прошлась пальцами по голове и провела языком внутри рта.

— О, боже! — закричала я. — По-моему, я съела таракана!

— Не съела! — отозвался мой муж из-за двери ванной комнаты.

Я включила свет и внимательно изучила прикроватный столик, ожидая увидеть тараканий кордебалет, уставившийся на меня. Что-то проскочило за стопкой книжек по раннему развитию, которые я последние полгода пыталась заставить себя прочитать. Казалось, вредители взяли небольшой перерыв, чтобы переодеться и снова броситься в атаку.

— Илья, это безумие! Мы не можем тут оставаться.

— Или тут, или у моей мамы, — спокойно напомнил он.

— А почему у нас только два варианта?

Если верить будильнику, было почти семь утра, но там, где я сидела, — в нашей спальне, из-за отсутствия окон больше похожей на гробницу, — с тем же успехом могла бы быть и середина ночи. Я подняла бутылку с водой и с

силой швырнула ее о тумбочку, решительно настроенная пролить кровь.

— Ты их не поймашь, — сказал Илья. — Они слишком быстрые.

— А я и не хочу их ловить! Я хочу вызвать дезинсектора!

— Ты не можешь никого вызвать. У нас нет договора об аренде. Нас тут вообще не должно быть. — Почему ты так спокойно реагируешь? Мы живем с двумя детьми в квартире, кишашей тараканами! Это не из тех вещей, которые можно просто переждать.

Я встала, побрела в сторону ванной и распахнула дверь.

Илья стоял, наклонившись к зеркалу, и чистил зубы нитью в своей невротичной манере — до крови.

— Тараканы не трогают детей, — пробормотал он, прежде чем сплунуть в раковину и повернуться ко мне. Его острые скулы и пронзительный взгляд голубых глаз делали его похожим на модель из рекламы дорогого одеколлона. На парня, который ничего не говорит до последней секунды, а потом пристально смотрит в камеру и шепчет что-нибудь бессмысленное типа «подожги свое сердце льдом».

Я скрестила руки и бросила на него сердитый взгляд.

— Я звоню Кену.

— Ты уже звонила ему раз пять, — ответил он. — Ты похожа на психопатку.

— Я и *есть* психопатка! — воскликнула я.

— К тому же Кен на съемках.

— В Торонто! Это же в пяти минутах отсюда.

Я развернулась и пошла обратно в спальню, захлопывая дверь ванной перед его раздражающе безупречным телом.

— На чем, на ракете? — рассмеялся Илья, догнав меня. — Он занят съемками. Ты же знаешь актеров. Дай парню время.

— То есть он сейчас весь из себя такой Дэниэл Дэй-Льюис, слишком погруженный в свое мастерство, чтобы иметь дело с нашествием тараканов в собственной квартире? *Это* ты скажешь в свое оправдание?

— Кен — отличный парень, и он разрешает нам жить тут бесплатно, — сказал Илья в тысячный раз. — Тебе лучше не знать, какие тараканы на Кони-Айленде.

Илья был прав. Я не хотела знать, какие тараканы на Кони-Айленде, а еще как выглядит его мама без одежды. Я посмотрела, как он разбирается с двумя одинаковыми черными футболками, которые достал из корзины с чистым бельем, стоящей на полу.

Когда в «Челси Хаус» Илье предложили повышение, они подумали, что он без раздумий согласится. И он так и сделал. Как и мы все. Глава глобального членского состава — престижная должность, к которой он стремился с первых дней работы в клубе. Как говорил сам Илья, «шанс был слишком хорошим, чтобы от него отказаться», хотя разница в зарплате и была незначительной.

Компания заплатила нам небольшую компенсацию за переезд, которой хватило, чтобы возместить деньги, которые мы потеряли, когда прервали договор аренды в Лос-Анджелесе и сдали мебель на хранение. Но нам еще предстояло разобраться с кучей вещей. Илья взял на себя поиск временного жилья, в то время как я сосредоточилась на том, чтобы вернуть оплату за детский сад сына и записать его в другой, продать нашу машину через «Фейсбук» и устроить прощальные вечеринки со всеми

друзьями, коллегами и грумерами, с которыми мы познакомились за последние лет десять.

Я снова опустилась на край кровати.

— Я должна была догадаться, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Постой-ка, — сказала я, перенаправляя гнев. — Ты должен был об этом догадаться.

Я смотрела, как Илья изучает футболки и делает вид, что меня не слышит.

— Просторный лофт в Трайбеке, в котором мы сможем жить столько, сколько захотим? Конечно, это нереально! Если Лос-Анджелес нас чему-то и научил, то это тому, что нельзя верить пустым обещаниям актеров.

Я плюхнулась на кровать, но вспомнила о тараканах, поэтому снова вскочила и тщательно себя ощупала, словно сотрудник транспортной безопасности.

— Зачем Кен с нами так поступает? — взвыла я.

— Послушай, Кен — отличный друг, который рвал задницу, чтобы добиться успеха, поэтому я не буду поливать его дерьмом. Его программа — самая популярная на канале History, — гордился Илья своим бывшим наставником в клубе анонимных алкоголиков. Я не знаю никого, кроме Кена, с кем Илья говорил бы по телефону дольше пяти минут.

— Не хочу показаться занудой, но это как на Орегонской тропе,¹ — не смогла сдержаться я. — Рано или поздно или ломается повозка, или умираешь от дизентерии.

Илья ничего не ответил, скорее всего, просто потому что не понял, о чем шла речь. Он был вынужден бросить

¹ Историческая дорога в США, сыгравшая ключевую роль в освоении Дикого Запада.

учебу в пятнадцать лет, когда бежал от украинского антисемитизма и переехал в Бруклин с мамой и младшей сестрой. Больше в школу он не пошел. Чтобы помогать семье, Илья сразу устроился на работу: он стал промоутером клубов и ресторанов в Манхэттене. А теперь, спустя все эти годы, он вернулся туда, откуда начинал.

Илья всегда планировал накопить достаточно денег, чтобы открыть собственный ресторан. Он хотел, чтобы это была фешенебельная русская версия «Веселки»¹ — его любимого заведения в Ист-Виллидже. Он лелеял эту мечту еще с тех пор, как мы встретились в «Гейко» — японском стейк-хаусе в Голливуде, где все официантки были вынуждены одеваться как озабоченные гейши и где мы оба работали.

— Не напомнишь мне, зачем я на это согласилась? — вздохнула я.

— Тебе тоже не понравился Лос-Анджелес. Ты ненавидела пробки, — напомнил Илья. Он говорил так, словно мы были двумя восьмидесятилетними стариками, размышляющими о жизни в далеком прошлом, а не о том, что мы оставили позади всего три недели назад.

— Все ненавидят пробки, Илья!

— И вечно палящее солнце.

— Ну, это только твое мнение. Я ничего против него не имею. Мне вообще нравятся солнечный свет, пальмы и вежливые люди, которые просят прощения, когда сталкиваются с тобой на улице.

— Есть разница между вежливостью и фальшью. А много этих «милых» людей из Калифорнии предложили

¹ Украинский ресторан.

тебе работу? Ту работу, которую ты действительно заслуживаешь? — наклонил он голову. — Поверь мне, этот город изменит твою жизнь.

Он был прав: моя жизнь в Лос-Анджелесе была далека от совершенства. Я чувствовала себя застрявшей в ловушке квартиры с кондиционером, расположенной в долине. А мои друзья были или одиночками, которые предлагали встретиться поужинать в девять тридцать вечера, или молодыми мамами, жившими аж в Brentwood и поэтому отказывавшимися ехать через четыреста пятую магистраль¹ ради вечеринки.

Это означало, что я находилась в одиночестве девяносто процентов времени. И хотя мне и хотелось вернуться в строй, я не могла никуда устроиться, чтобы от этого спастись. Я только начала искать работу, после того как Роману исполнилось четыре, но мне казалось, что вся индустрия изменилась за те несколько лет, которые я провела на скамейке запасных. Новые платформы появлялись раньше, чем я успевала их скачать, не говоря уже о том, чтобы понять, как извлечь из них выгоду.

Нью-Йорк был самым большим маркетинговым узлом в мире. Город просто разрывался от энергии и возможностей. И не только от профессиональных. Каждый раз, когда мы туда ездили, он напоминал гигантский круизный лайнер, где я могла реализоваться как мать на верхней палубе, но в то же время имела возможность затеряться где-то внизу, погружаясь в жизнь, которая полностью принадлежала только мне. Теоретически это было все, чего я хотела. Но реальность уже начала демонстрировать мне, что отличается от красивой картинки.

¹ Магистраль, знаменитая своей загруженностью.

— Какая из футболок тебе больше нравится? — спросил Илья, приподняв одну, затем другую.

— Это вопрос с подвохом? — посмотрела я на него с непониманием.

— Нет. Почему? — Илья взглянул на меня с недоумением иностранца, которое он довел до совершенства.

Я покачала головой.

— Они же одинаковые.

— А вот и нет.

— Эмм, да, — я показала ему совпадающие бирки *Gap*.

— Одна из них — более застиранная, поэтому создает другое впечатление.

— На меня они производят одинаковое впечатление, — пробурчала я. — Думаю, тебе лучше пойти в той, в которой выглядишь богаче и стройнее.

— Я и так стройный, — ответил он. Иногда я зря тратила на него свои шутки.

Пока Илья натягивал через голову одну из футболок, я восхищалась телом мужчины, за которого мне довелось выйти замуж. Возвышающийся надо мной со своего стадевяностасантиметрового роста, он был самым мужественным из всех парней, которые мне когда-либо нравились. Впрочем, их было мало, потому что те, с кем я встречалась до него, оказались геями.

Илья искренне мне улыбнулся.

— Все будет хорошо, Мег. Это не наш новый дом, это просто временный вариант до того, как мы сможем себе позволить собственное жилье.

Он встал на колени, чтобы меня поцеловать.

— Мне надо торопиться. Саро прилетает из Лондона.

Саро был генеральным директором и основателем «Челси Хаус». Хотя Илья и подражал ему, но в той же степени его боялся.

— Я все равно сегодня забираю Романа, да? — Илья смотрел на меня в надежде, что я предложу сама отвести нашего сына в детский сад.

— Сейчас твоя очередь, — ответила я, пытаюсь стоять на своем. Я уже отводила его последние раз десять. — Кстати, насчет Саро. Я видела, что «Челси Хаус» ищет человека, который будет заниматься их веб-страницей. Ты в курсе?

— Нет, не знал, — ответил он, отводя взгляд. — Ты мой кошелек видела?

Я схватила джинсы, лежавшие на комод, и выудила из них обветшалый бумажник на липучке. Илья пользовался им с тех пор, как ему исполнился двадцать один год, и отказывался его менять. Он утверждал, что этот кошелек помогает ему сохранять скромность. А еще служит напоминанием о том, что он пока не достиг своей финансовой цели. Годами люди дарили ему новые бумажники, и он любезно принимал их, но затем складывал в один из своих ящиков для барахла.

— Так вот, ищут, — сказала я дрожащим голосом, — и я бы отлично справилась с этой работой.

Илья поднял руку и покачал головой:

— Ты же не захочешь вести чей-то веб-сайт. И ты знаешь, как я отношусь к тому, чтобы мы вместе работали.

— Но мы же познакомились, работая вместе.

— И ты меня ненавидела.

Наши отношения завязались только после того, как Илья меня уволил. И лишь после рождения нашего первого ребенка я наконец простила его за это увольнение.

— Но теперь мы стали сильнее, и нам нужны деньги. А я в хорошей форме, в очень хорошей.

— Более чем. Но вести веб-сайт — это не твое предназначение. Ты же писательница, — сказал он.

— Копирайтер, — поправила его я. — Есть разница.

— К тому же «Челси Хаус» мало платит. Тебе надо найти работу, которая будет приносить реальные деньги. Иначе зачем тебе вообще снова начинать работать?

Я сжала кулаки.

— Проблема в том, что мы не сможем позволить себе жить в Нью-Йорке, если оба не будем работать. А если я продолжу изо дня в день постоянно слышать песенку из «Щенячьего патруля», то у меня случится нервный срыв.

— Лето закончилось. Роман возвращается на занятия, — ответил он.

— Но Феликс остается, — напомнила я. — А ты ничего не понимаешь!

— Слушай, я тоже хочу, чтобы ты была счастлива, — сказал Илья. — Мне просто не нравится, как это будет выглядеть. Я ведь едва знаю нью-йоркскую команду. Представь себе, что я приду сегодня и скажу, что они должны нанять мою жену, которая не работала пять лет.

— Ого... — Мой голос дрогнул. — Это было очень низко.

— Извини, я не это имел в виду. Я не хотел сказать, что считаю тебя неквалифицированной. Просто мне кажется, что это похоже на кумовство.

— Сказал парень, который работает на прославленное братство, — парировала я. Мне показалось абсурдным, что Илья, человек, который совсем не стремился к славе, был проводником в один из самых престижных закрытых клубов в стране. Он этого и не отрицал, по крайней мере, не в глубине души.

Но он очень упорно трудился. И если он не хотел потерять работу, ему было бы лучше не слишком задумываться о «Челси Хаусе» и о его ценностях. А я ненавидела

его работу до поздней ночи, пьяных идиотов, позеров, которые целыми днями листали на ноутбуках свои собственные сайты, и замужних женщин, которые постоянно подбрасывали Илье ключи от своих комнат. Меня раздражали даже невыносимо сексуальные официанты, которые ждали минут двадцать, прежде чем предложить мне стакан воды.

В то же время контроль над членством клуба подарил Илье определенный статус, которым его не наделяла ни одна из предыдущих работ. Люди стелились перед ним. Члены помоложе приглашали его на свои свадьбы, а кто постарше — на бар-мицвы¹ своих детей. Это было глупо, но приятно. И, надо надеяться, это могло бы оказаться полезным, когда он наконец решит начать свое дело.

— У тебя появится любимая работа, — сказал Илья. — Ты ходила вчера на собеседование, сегодня будет еще одно. Ты все делаешь правильно. Тебе не нужно, чтобы я тебя втягивал в глупости.

— Спасибо, — ответила я. Мне жутко хотелось, чтобы он увидел, какой потерянной и ненужной я себя почувствовала.

— У тебя все будет более чем хорошо. — Илья поцеловал меня в лоб, словно ребенка. Я ненавидела, когда он так делал.

¹ Праздник совершеннолетия у иудеев.